

Президент Российской Федерации
В.В. Путин

————— 75 ЛЕТ —————
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ:
ОБЩАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ И БУДУЩИМ

Москва 2020

75 ЛЕТ

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ:
ОБЩАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ И БУДУЩИМ

75 лет прошло, как закончилась Великая Отечественная война. За эти годы выросло несколько поколений. Изменилась политическая карта планеты. Нет Советского Союза, который одержал грандиозную, сокрушительную победу над нацизмом, спас весь мир. Да и сами события той войны даже для её участников – далёкое прошлое. Но почему в России 9 мая отмечается как самый главный праздник, а 22 июня жизнь словно замирает и комок подкатывает к горлу?

Принято говорить: война оставила глубокий след в истории каждой семьи. За этими словами – судьбы миллионов людей, их страдания и боль потерь. Гордость, правда и память.

Для моих родителей война – это страшные муки блокадного Ленинграда, где умер мой двухлетний брат Витя, где чудом осталась в живых мама. Отец, имея бронь, ушёл добровольцем защищать родной город – поступил так же, как и миллионы советских граждан. Воевал на плацдарме «Невский пяточок», был

тяжело ранен. И чем дальше эти годы, тем больше потребность побеседовать с родителями, узнать более подробно о военном периоде их жизни. Но уже невозможно ничего спросить, поэтому свято храню в сердце разговоры с отцом и мамой на эту тему, их скупые эмоции.

Для меня и моих сверстников важно, чтобы наши дети, внуки, правнуки понимали, через какие испытания и муки прошли их предки. Как, почему смогли выстоять и победить? Откуда взялась их поистине железная сила духа, которая удивляла и восхищала весь мир? Да, они защищали свой дом, детей, близких, семью. Но всех объединяла любовь к Родине, к Отечеству. Это глубинное, личностное чувство во всей своей полноте отражено в самой сути нашего народа и стало одним из определяющих в его героической, жертвенной борьбе против нацистов.

Часто задаются вопросом: как нынешнее поколение себя поведёт, как поступит в условиях критической ситуации? Перед моими глазами молодые врачи, медсёстры, порой вчерашние студенты, которые сегодня идут в «красную зону», чтобы спасти людей. Наши военнослужащие, в ходе борьбы с международным терроризмом на Северном Кавказе, в Сирии стояв-

шие насмерть, – совсем юные ребята! Многим бойцам легендарной, бессмертной шестой десантной роты было 19–20 лет. Но все они показали, что достойны подвига воинов нашей Родины, которые защитили её в Великую Отечественную войну.

Поэтому уверен, что в характере у народов России – исполнять свой долг, не жалеть себя, если того требуют обстоятельства. Самоотверженность, патриотизм, любовь к родному дому, к своей семье, к Отечеству – эти ценности и сегодня являются для российского общества фундаментальными, стержневыми. На них, по большому счёту, во многом держится суверенитет нашей страны.

Сейчас у нас появились новые традиции, рождённые народом, такие как «Бессмертный полк». Это марш нашей благодарной памяти, кровной, живой связи между поколениями. Миллионы людей выходят на шествия с фотографиями своих родных, отстоявших Отечество и разгромивших нацизм. Это значит, что их жизнь, испытания и жертвы, Победа, которую они передали нам, никогда не будут забыты.

Наша ответственность перед прошлым и будущим – сделать всё, чтобы не допустить повторения страшных трагедий. Поэтому посчитал своим долгом выступить

со статьёй о Второй мировой и Великой Отечественной войнах. Не раз обсуждал эту идею в беседах с мировыми лидерами, встретил их понимание. В конце прошлого года, на саммите руководителей стран СНГ, мы все были едины: важно передать потомкам память о том, что победа над нацизмом была одержана прежде всего советским народом, что в этой героической борьбе – на фронте и в тылу, плечом к плечу – стояли представители всех республик Советского Союза. Тогда же говорил с коллегами и о непростом предвоенном периоде.

Этот разговор вызвал большой резонанс в Европе и мире. Значит, обращение к урокам прошлого действительно необходимо и злободневно. Вместе с тем было и много эмоций, плохо скрываемых комплексов, шумных обвинений. Ряд политиков по привычке поспешили заявить о том, что Россия пытается переписать историю. Однако при этом не смогли опровергнуть ни единого факта, ни одного приведённого аргумента. Разумеется, трудно да и невозможно спорить с подлинными документами, которые, к слову, хранятся не только в российских, но и в зарубежных архивах.

Поэтому есть потребность продолжить анализ причин, которые привели к мировой войне, размышления о её сложных событиях, трагедиях и победах, об её

уроках – для нашей страны и всего мира. И здесь, повторю, принципиально важно опираться только на архивные материалы, свидетельства современников, исключить любые идеологические и политизированные домысливания.

Ещё раз напомним очевидную вещь: глубинные причины Второй мировой войны во многом вытекают из решений, принятых по итогам Первой мировой. Версальский договор стал для Германии символом глубокой несправедливости. Фактически речь шла об ограблении страны, которая обязана была выплатить западным союзникам огромные репарации, истощавшие её экономику. Главнокомандующий союзными войсками французский маршал Ф. Фош пророчески охарактеризовал Версаль: «Это не мир, это перемирие на двадцать лет».

Именно национальное унижение сформировало питательную среду для радикальных и реваншистских настроений в Германии. Нацисты умело играли на этих чувствах, строили свою пропаганду, обещая избавить Германию от «наследия Версаля», восстановить её былое могущество, а по сути, толкали немецкий народ к новой войне. Парадоксально, но этому прямо или косвенно способствовали западные государства, прежде всего Великобритания и США. Их финансовые и про-

мышленные круги весьма активно вкладывали капиталы в немецкие фабрики и заводы, выпускавшие продукцию военного назначения. А среди аристократии и политического истеблишмента было немало сторонников радикальных, крайне правых, националистических движений, набравших силу и в Германии, и в Европе.

Версальское «мироустройство» породило многочисленные скрытые противоречия и явные конфликты. В их основе – произвольно оформленные победителями в Первой мировой войне границы новых европейских государств. Практически сразу после их появления на карте начались территориальные споры и взаимные претензии, которые превратились в мины замедленного действия.

Одним из важнейших итогов Первой мировой войны стало создание Лиги наций. На эту международную организацию возлагались большие надежды по обеспечению долгосрочного мира, коллективной безопасности. Это была прогрессивная идея, последовательная реализация которой без преувеличения могла бы предотвратить повторение ужасов глобальной войны.

Однако Лига наций, в которой доминировали державы-победительницы – Великобритания и Франция, про-

демонстрировала свою неэффективность и просто потонула в пустых разговорах. В Лиге наций да и вообще на европейском континенте не были услышаны неоднократные призывы Советского Союза сформировать равноправную систему коллективной безопасности. В частности, заключить восточноевропейский и тихоокеанский пакты, которые смогли бы поставить заслон агрессии. Эти предложения были проигнорированы.

Лига наций не смогла предотвратить и конфликты в различных частях мира, такие как нападение Италии на Эфиопию, гражданская война в Испании, агрессия Японии против Китая, аншлюс Австрии. А в случае Мюнхенского сговора, в котором помимо Гитлера и Муссолини участвовали лидеры Великобритании и Франции, с полного одобрения Совета Лиги наций произошло расчленение Чехословакии. Отмечу в связи с этим, что в отличие от многих тогдашних руководителей Европы Сталин не запятнал себя личной встречей с Гитлером, который слыл тогда в западных кругах вполне уважаемым политиком, был желанным гостем в европейских столицах.

В разделе Чехословакии заодно с Германией действовала и Польша. Они заранее и вместе решали, кому достанутся какие чехословацкие земли. 20 сен-

тября 1938 года посол Польши в Германии Ю. Липский сообщил министру иностранных дел Польши Ю. Беку о следующих заверениях Гитлера: «...в случае, если между Польшей и Чехословакией дело дойдёт до конфликта на почве наших интересов в Тешине, рейх станет на нашу [польскую] сторону». Главарь нацистов даже давал подсказки, советовал, чтобы начало польских действий «последовало бы только лишь после занятия немцами Судетских гор...» (*Документ № 1*).

В Польше отдавали себе отчёт, что без гитлеровской поддержки её захватнические планы были бы обречены на провал. Здесь процитирую запись беседы германского посла в Варшаве Г.А. Мольтке с Ю. Беком от 1 октября 1938 года о польско-чешских отношениях и позиции СССР в этом вопросе. Вот что там написано: «Г-н Бек выразил большую благодарность за лояльную трактовку польских интересов на Мюнхенской конференции, а также за искренность отношений во время чешского конфликта. Правительство и общественность [Польши] полностью отдают должное позиции фюрера и рейхсканцлера...» (*Документ № 2*).

Раздел Чехословакии был жестоким и циничным. Мюнхен обрушил даже те формальные хрупкие гарантии, которые оставались на континенте, показал, что

взаимные договорённости ничего не стоят. Именно Мюнхенский сговор послужил тем спусковым крючком, после которого большая война в Европе стала неизбежной.

Сегодня европейские политики, прежде всего польские руководители, хотели бы «замолчать» Мюнхен. Почему? Не только потому, что их страны тогда предали свои обязательства, поддержали Мюнхенский сговор, а некоторые даже приняли участие в дележе добычи, но и потому, что как-то неудобно вспоминать, что в те драматичные дни 1938 года только СССР вступился за Чехословакию.

Советский Союз, исходя из своих международных обязательств, в том числе соглашений с Францией и Чехословакией, пытался предотвратить трагедию. Польша же, преследуя свои интересы, всеми силами препятствовала созданию системы коллективной безопасности в Европе. Польский министр иностранных дел Ю. Бек 19 сентября 1938 года прямо писал об этом уже упомянутому послу Ю. Липскому перед его встречей с Гитлером: «В течение прошлого года польское правительство четыре раза отвергало предложение присоединиться к международному вмешательству в защиту Чехословакии» (*Документ № 3*).

Британия, а также Франция, которая была тогда главным союзником чехов и словаков, предпочли отказаться от своих гарантий и бросить на растерзание эту восточно-европейскую страну. Не просто бросить, а направить устремления нацистов на восток с прицелом на то, чтобы Германия и Советский Союз неизбежно бы столкнулись и обескровили друг друга.

Именно в этом заключалась западная политика «умиротворения». И не только по отношению к Третьему рейху, но и к другим участникам так называемого Антикоминтерновского пакта – фашистской Италии и милитаристской Японии. Её кульминацией на Дальнем Востоке стало англо-японское соглашение лета 1939 года, предоставившее Токио свободу рук в Китае. Ведущие европейские державы не хотели признавать, какая смертельная опасность для всего мира исходит от Германии и её союзников, рассчитывали, что война их самих обойдёт стороной.

Мюнхенский сговор показал Советскому Союзу, что западные страны будут решать вопросы безопасности без учёта его интересов, а при удобном случае могут сформировать антисоветский фронт.

Вместе с тем Советский Союз до последней возможности старался использовать любой шанс для соз-

дания антигитлеровской коалиции, повторю, несмотря на двучленную позицию стран Запада. Так, по линии разведслужб советское руководство получало подробную информацию о закулисных англо-германских контактах летом 1939 года. Обращаю внимание: они велись весьма интенсивно, причём практически одновременно с трёхсторонними переговорами представителей Франции, Великобритании и СССР, которые западными партнёрами, напротив, сознательно затягивались. Приведу в связи с этим документ из британских архивов – это инструкция британской военной миссии, которая прибыла в Москву в августе 1939 года. В ней прямо говорится, что делегация должна «вести переговоры очень медленно»; что «правительство Соединённого Королевства не готово брать на себя подробно прописанные обязательства, которые могут ограничить нашу свободу действий при каких-либо обстоятельствах» (*Документ № 4*). Отмечу также: в отличие от англичан и французов советскую делегацию возглавили высшие руководители Красной Армии, которые имели все необходимые полномочия «подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе» (*Документ № 5*).

Свою роль в провале переговоров сыграла Польша, которая не хотела никаких обязательств перед советской стороной. Даже под давлением западных союзников польское руководство отказывалось от совместных действий с Красной Армией в противостоянии вермахту. И только когда стало известно о прилёте Риббентропа в Москву, Ю. Бек нехотя, не напрямую, а через французских дипломатов уведомил советскую сторону: «...в случае совместных действий против германской агрессии сотрудничество между Польшей и СССР, при технических условиях, которые надлежит определить, не исключено...» (*Документ № 6*). Одновременно своим коллегам он разъяснил: «...я не против этой формулировки только в целях облегчения тактики, наша же принципиальная точка зрения в отношении СССР является окончательной и остаётся без изменений» (*Документ № 7*).

В сложившейся ситуации Советский Союз подписал Договор о ненападении с Германией, фактически сделал это последним из стран Европы. Причём на фоне реальной опасности столкнуться с войной на два фронта – с Германией на западе и с Японией на востоке, где уже шли интенсивные бои на реке Халхин-Гол.

Сталин и его окружение заслуживают многих справедливых обвинений. Мы помним и о преступлениях режима против собственного народа, и об ужасах массовых репрессий. Повторю, советских руководителей можно упрекать во многом, но не в отсутствии понимания характера внешних угроз. Они видели, что Советский Союз пытаются оставить один на один с Германией и её союзниками, и действовали, осознавая эту реальную опасность, чтобы выиграть драгоценное время для укрепления обороны страны.

По поводу заключённого тогда Договора о ненападении сейчас много разговоров и претензий именно в адрес современной России. Да, Россия – правопреемница СССР, и советский период со всеми его триумфами и трагедиями – неотъемлемая часть нашей тысячелетней истории. Но напомним также, что Советский Союз дал правовую и моральную оценку так называемому Пакту Молотова – Риббентропа. В постановлении Верховного Совета от 24 декабря 1989 года официально осуждены секретные протоколы как «акт личной власти», никак не отражавший «волю советского народа, который не несёт ответственности за этот сговор».

Вместе с тем другие государства предпочитают не вспоминать о соглашениях, где стоят подписи нацистов и западных политиков. Не говоря уже о юридической или политической оценке такого сотрудничества, в том числе молчаливого соглашательства некоторых европейских деятелей с варварскими планами нацистов вплоть до их прямого поощрения. Чего сто́ит циничная фраза посла Польши в Германии Ю. Липского, произнесённая в беседе с Гитлером 20 сентября 1938 года: за решение еврейского вопроса «...мы [поляки] поставим ему прекрасный памятник в Варшаве» (*Документ № 1*).

Мы также не знаем, были ли какие-либо «секретные протоколы» и приложения к соглашениям ряда стран с нацистами. Остаётся лишь «верить на слово». В частности, до сих пор не рассекречены материалы о тайных англо-германских переговорах. Поэтому призываем все государства активизировать процесс открытия своих архивов, публикацию ранее неизвестных документов предвоенного и военного периодов – так, как это делает Россия в последние годы. Готовы здесь к широкому сотрудничеству, к совместным исследовательским проектам учёных историков.

Но вернёмся к событиям, непосредственно предшествовавшим Второй мировой войне. Наивно было

верить, что, расправившись с Чехословакией, Гитлер не предъявит очередные территориальные претензии. На этот раз к своему недавнему соучастнику в разделе Чехословакии – Польше. Поводом здесь, кстати, также послужило наследие Версаля – судьба так называемого Данцигского коридора. Последовавшая затем трагедия Польши – целиком на совести тогдашнего польского руководства, которое помешало заключению англо-франко-советского военного союза и понадеялось на помощь западных партнёров, подставило свой народ под каток гитлеровской машины уничтожения.

Немецкое наступление развивалось в полном соответствии с доктриной блицкрига. Несмотря на ожесточённое, героическое сопротивление польской армии, уже через неделю после начала войны, 8 сентября 1939 года, германские войска были на подступах к Варшаве. А военно-политическая верхушка Польши к 17 сентября сбежала на территорию Румынии, предав свой народ, который продолжал вести борьбу с захватчиками.

Западные союзники не оправдали польских надежд. После объявления войны Германии французские войска продвинулись всего на несколько десятков километров в глубь немецкой территории. Выглядело всё это

лишь как демонстрация активных действий. Более того, англо-французский Верховный военный совет, впервые собравшийся 12 сентября 1939 года во французском Абвиле, принял решение вовсе прекратить наступление ввиду быстрого развития событий в Польше. Началась пресловутая «странная война». Налицо – прямое предательство со стороны Франции и Англии своих обязательств перед Польшей.

Позже, в ходе Нюрнбергского процесса, немецкие генералы так объясняли свой быстрый успех на востоке, бывший начальник штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вооружёнными силами Германии генерал А. Йодль признал: «...Если мы ещё в 1939 году не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоящих во время нашей войны с Польшей на Западе против 23-х германских дивизий, оставались совершенно бездеятельными».

Попросил поднять из архивов весь массив материалов, связанных с контактами СССР и Германии в драматичные дни августа и сентября 1939 года. Как свидетельствуют документы, пункт 2 Секретного протокола к Договору о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года устанавливал, что

в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов двух стран должна «приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана». Иными словами, в советскую сферу влияния попадали не только территории, на которых проживало преимущественно украинское и белорусское население, но и исторические польские земли междуречья Буга и Вислы. Об этом факте далеко не все сейчас знают.

Как и о том, что сразу после нападения на Польшу в первые сентябрьские дни 1939 года Берлин настойчиво и неоднократно призывал Москву присоединиться к военным действиям. Однако советское руководство подобные призывы игнорировало и втягиваться в драматически развивающиеся события не собиралось до последней возможности.

Лишь когда стало окончательно ясно, что Великобритания и Франция не стремятся помочь своему союзнику, а вермахт способен быстро оккупировать всю Польшу и выйти фактически на подступы к Минску, было принято решение ввести утром 17 сентября войсковые соединения Красной Армии в так называемые восточные кресы – ныне это части территории Белоруссии, Украины и Литвы.

Очевидно, что других вариантов не оставалось. В противном случае риски для СССР возросли бы многократно, поскольку, повторю, старая советско-польская граница проходила всего в нескольких десятках километров от Минска, и неизбежная война с нацистами началась бы для страны с крайне невыгодных стратегических позиций. А миллионы людей разных национальностей, в том числе евреи, жившие под Брестом и Гродно, Перемышлем, Львовом и Вильно, были бы брошены на уничтожение нацистам и их местным приспешникам – антисемитам и радикал-националистам.

Именно тот факт, что Советский Союз до последней возможности стремился избежать участия в разгорающемся конфликте и не хотел играть на стороне Германии, привёл к тому, что реальное соприкосновение советских и немецких войск произошло гораздо восточнее оговорённых в секретном протоколе рубежей. Не по Висле, а примерно по так называемой линии Керзона, которая ещё в 1919 году была рекомендована Антантой в качестве восточной границы Польши.

Как известно, сослагательное наклонение трудно применимо к уже произошедшим событиям. Скажу лишь, что в сентябре 1939 года советское руководство имело возможность отодвинуть западные

рубежи СССР ещё дальше на запад, вплоть до Варшавы, но приняло решение не делать этого.

Немцы предложили зафиксировать новый статус-кво. 28 сентября 1939 года в Москве И. Риббентроп и В.М. Молотов подписали Договор о дружбе и границе между СССР и Германией, а также секретный протокол об изменении государственной границы, которой признавалась демаркационная линия, где де-факто стояли две армии.

Осенью 1939 года, решая свои военно-стратегические, оборонительные задачи, Советский Союз начал процесс инкорпорации Латвии, Литвы и Эстонии. Их вступление в СССР было реализовано на договорной основе, при согласии избранных властей. Это соответствовало нормам международного и государственного права того времени. Кроме того, Литве в октябре 1939 года были возвращены город Вильно и прилегающая область, ранее входившие в состав Польши. Прибалтийские республики в составе СССР сохранили свои органы власти, язык, имели представительство в советских высших государственных структурах.

Все эти месяцы не прекращалась невидимая постороннему глазу дипломатическая и военно-политическая борьба, работа разведки. В Москве понимали, что перед

ней непримиримый и жестокий враг, что скрытая война с нацизмом уже идёт. И нет никаких оснований воспринимать официальные заявления, формальные протокольные ноты тех лет как доказательство «дружбы» между СССР и Германией. Активные торговые и технические контакты СССР имел не только с Германией, но и с другими странами. При этом Гитлер раз за разом пытался втянуть СССР в противостояние с Великобританией, однако советское руководство не поддавалось на эти уговоры.

Последнюю попытку склонить Советский Союз к совместным действиям Гитлер предпринял в ходе визита Молотова в Берлин в ноябре 1940 года. Но Молотов в точности выполнил указания Сталина (*Документ № 8*), ограничившись общими разговорами об идее немцев по поводу присоединения СССР к Пакту трёх – союзу Германии, Италии и Японии, – подписанному в сентябре 1940 года и направленному против Великобритании и США. Не случайно уже 17 ноября Молотов инструктировал находившегося в Лондоне советского полпреда И. Майского следующим образом: «Для Вашей ориентировки... Никакого договора в Берлине не было подписано и не предполагалось этого делать. Дело в Берлине ограничилось... обменом мне-

ниями... Немцы и японцы, как видно, очень хотели бы толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса, так как считаем такие советы со стороны Германии неуместными» (*Документ № 9*). А 25 ноября советское руководство и вовсе поставило здесь точку: официально выдвинуло Берлину неприемлемые для нацистов условия, включая вывод германских войск из Финляндии, договор о взаимопомощи между СССР и Болгарией и ряд других, тем самым сознательно исключив для себя любые возможности присоединения к Пакту. Такая позиция окончательно укрепила фюрера в его намерении развязать войну против СССР. И уже в декабре, отбросив в сторону все предупреждения своих стратегов о катастрофичной опасности войны на два фронта, Гитлер утвердил план «Барбаросса». Сделал это, понимая, что именно Советский Союз – главная сила, которая противостоит ему в Европе, и предстоящая схватка на востоке решит исход мировой войны. А в том, что поход на Москву будет скоротечным и успешным, он был уверен.

Что хотел бы особо отметить: западные страны фактически согласились тогда с советскими действиями, признали стремление Советского Союза обеспечить свою безопасность. Так, ещё 1 октября 1939 года быв-

ший на тот момент главой британского Адмиралтейства У. Черчилль в выступлении на радио сказал: «Россия проводит холодную политику собственных интересов... для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии [новой западной границе]» (*Документ № 10*). 26 октября 1939 года в Палате лордов министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс заявил: «...Следует напомнить, что действия советского правительства заключались в перенесении границы по существу до той линии, которая была рекомендована во время Версальской конференции лордом Керзоном... Я только привожу исторические факты и полагаю, что они неоспоримы». Известный британский политический и государственный деятель Д. Ллойд Джордж подчёркивал: «Русские армии заняли территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после Первой мировой войны... Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением немцев».

А в неформальных беседах с советским полпредом И.М. Майским английские высокопоставленные политики и дипломаты говорили более откровенно. Заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Бат-

лер 17 октября 1939 года поделился: «...В английских правительственных кругах считают, что не может быть никакого вопроса о возврате Польше Западных Украины и Белоруссии. Если бы удалось создать этнографическую Польшу скромных размеров... с гарантией не только СССР и Германии, но также Англии и Франции, то британское правительство считало бы себя вполне удовлетворённым» (*Документ № 11*). 27 октября 1939 года главный советник Н. Чемберлена Г. Вильсон сказал: «Польша должна... быть восстановлена как самостоятельное государство на свою этнографическую базу, но без Западной Украины и Белоруссии» (*Документ № 12*).

Стоит отметить, что в ходе этих бесед зондировалась почва и для улучшения советско-британских отношений. Эти контакты во многом заложили основу будущего союзничества и антигитлеровской коалиции. Среди ответственных дальновидных политиков выделялся У. Черчилль, который, несмотря на известную антипатию к СССР, и ранее выступал за сотрудничество с ним. Ещё в мае 1939 года в Палате общин он заявил: «Мы окажемся в смертельной опасности, если не сможем создать великий союз против агрессии. Было бы величайшей глупостью, если бы мы отвергли естественное сотрудниче-

ство с Советской Россией». А уже после начала боевых действий в Европе – на встрече с И.М. Майским 6 октября 1939 года – он доверительно сказал: «...Между Великобританией и СССР... нет никаких серьёзных противоречий, а стало быть, нет оснований для напряжённых или неудовлетворительных отношений. Британское правительство... хотело бы развивать... торговые отношения. Оно готово было бы также обсудить всякие другие меры, могущие способствовать улучшению взаимоотношений» (*Документ № 13*).

Вторая мировая война не случилась в одночасье, не началась неожиданно, вдруг. И агрессия Германии против Польши не была внезапной. Она – результат многих тенденций и факторов в мировой политике того периода. Все довоенные события выстроились в одну роковую цепь. Но, безусловно, главное, что предопределило величайшую трагедию в истории человечества, – это государственный эгоизм, трусость, потакание набиравшему силу агрессору, неготовность политических элит к поиску компромисса.

Поэтому нечестно утверждать, что двухдневный визит в Москву нацистского министра иностранных дел Риббентропа – главная причина, породившая Вторую мировую войну. Все ведущие страны в той или иной

степени несут свою долю вины за её начало. Каждая совершала непоправимые ошибки, самонадеянно полагая, что можно обхитрить других, обеспечить себе односторонние преимущества или остаться в стороне от надвигающейся мировой беды. И за такую недалёковидность, за отказ от создания системы коллективной безопасности платить пришлось миллионами жизней, колоссальными утратами.

Пишу об этом без малейшего намерения взять на себя роль судьбы, кого-то обвинить или оправдать, тем более инициировать новый виток международного информационного противостояния на историческом поле, которое может столкнуть между собой государства и народы. Считаю, что поиском взвешенных оценок прошедших событий должна заниматься академическая наука с широким представительством авторитетных учёных из разных стран. Нам всем нужны правда и объективность. Со своей стороны всегда призывал и призываю коллег к спокойному, открытому, доверительному диалогу, к самокритичному, непредвзятому взгляду на общее прошлое. Такой подход позволит не повторить совершённых тогда ошибок и обеспечить мирное и благополучное развитие на долгие годы вперёд.

Однако многие наши партнёры пока не готовы к совместной работе. Напротив, преследуя свои цели, они наращивают против нашей страны количество и масштаб информационных атак, хотят заставить оправдываться, испытывать чувство вины, принимают насквозь лицемерные политизированные декларации. Так, например, одобренная 19 сентября 2019 года Европейским парламентом резолюция «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» прямо обвинила СССР – наряду с нацистской Германией – в развязывании Второй мировой войны. Естественно, что каких-либо упоминаний о Мюнхене там не содержится.

Считаю, что подобные «бумаги», не могу назвать эту резолюцию документом, при всём явном расчёте на скандал несут опасные реальные угрозы. Ведь её принял весьма уважаемый орган. И что он продемонстрировал? Как это ни печально – осознанную политику по разрушению послевоенного мироустройства, создание которого было делом чести и ответственности стран, ряд представителей которых проголосовали сегодня за эту лживую декларацию. И, таким образом, подняли руку на выводы Нюрнбергского трибунала, на усилия мирового сообщества, создававшие

го после победного 1945 года универсальные международные институты. Напомню в связи с этим, что сам процесс европейской интеграции, в ходе которой были созданы соответствующие структуры, в том числе и Европейский парламент, стал возможен только благодаря урокам, извлечённым из прошлого, его чётким правовым и политическим оценкам. И те, кто сознательно ставит под сомнение этот консенсус, разрушают основы всей послевоенной Европы.

Помимо угрозы для фундаментальных принципов миропорядка есть здесь и моральная, нравственная сторона. Глумление, издевательство над памятью – это подлость. Подлость бывает намеренной, лицемерной, вполне осознанной, когда в заявлениях по поводу 75-летия окончания Второй мировой войны перечисляются все участники антигитлеровской коалиции, кроме СССР. Подлость бывает трусливой, когда сносят памятники, воздвигнутые в честь борцов с нацизмом, оправдывая постыдные действия лживыми лозунгами борьбы с неудобной идеологией и якобы оккупацией. Подлость бывает кровавой, когда тех, кто выступает против неонацистов и наследников бандеровцев, убивают и сжигают. Повторю, подлость проявляет себя по-разному, но от этого она не перестаёт быть омерзительной.

Забвение уроков истории неизбежно оборачивается тяжёлой расплатой. Мы будем твёрдо защищать правду, основанную на документально подтверждённых исторических фактах, продолжим честно и непредвзято рассказывать о событиях Второй мировой войны. На это в том числе нацелен масштабный проект по созданию в России крупнейшей коллекции архивных документов, кино- и фотоматериалов по истории Второй мировой войны, предвоенному периоду.

Такая работа уже идёт. Многие новые, недавно найденные, рассекреченные материалы использовал и при подготовке этой статьи. И в связи с этим могу ответственно заявить, что не существует архивных документов, которые подтверждали бы версию о намерении СССР начать превентивную войну против Германии. Да, советское военное руководство придерживалось доктрины, что в случае агрессии Красная Армия быстро даст отпор врагу, перейдёт в наступление и будет вести войну на территории противника. Однако такие стратегические планы вовсе не означали намерения первыми напасть на Германию.

Конечно, сегодня в распоряжении историков есть документы военного планирования, директивы советских и немецких штабов. Наконец, мы знаем, как раз-

вивались события в реальности. С высоты этого знания многие рассуждают о действиях, ошибках, просчётах военно-политического руководства страны. Скажу в связи с этим одно: наряду с огромным потоком разного рода дезинформации советские лидеры получали и реальные сведения о готовящейся агрессии нацистов. И в предвоенные месяцы предприняли шаги, направленные на повышение боеготовности страны, включая скрытый призыв части военнообязанных на сборы, передислокацию соединений и резервов из внутренних военных округов к западным границам.

Война не была внезапной, её ждали, к ней готовились. Но удар нацистов был действительно невиданной в истории разрушительной мощи. 22 июня 1941 года Советский Союз столкнулся с самой сильной, отобилизованной и обученной армией мира, на которую работал промышленный, экономический, военный потенциал практически всей Европы. В этом смертоносном нашествии принял участие не только вермахт, но и сателлиты Германии, воинские контингенты многих других государств европейского континента.

Тяжелейшие военные поражения 1941 года поставили страну на грань катастрофы. Восстанавливать

боеспособность, управляемость пришлось чрезвычайными методами, всеобщей мобилизацией, напряжением всех сил государства и народа. Уже летом 41-го под огнём врага началась эвакуация на восток страны миллионов граждан, сотен заводов и производств. В кратчайшие сроки в тылу был налажен выпуск оружия и боеприпасов, которые стали поступать на фронт в первую же военную зиму, а к 1943 году были превышены показатели военного производства Германии и её союзников. За полтора года советские люди совершили то, что казалось невозможным, и на фронте, и в тылу. И до сих пор трудно осознать, понять, представить, каких невероятных усилий, мужества, самоотверженности потребовали эти величайшие достижения.

Против мощной, вооружённой до зубов, хладнокровной захватнической машины нацистов поднялась гигантская сила советского общества, объединённого стремлением защитить родную землю, отомстить врагу, сломавшему, растоптавшему мирную жизнь, планы и надежды.

Конечно, в период этой страшной, кровопролитной войны некоторыми людьми овладевали страх, растерянность, отчаяние. Имели место предательство и дезертирство. Давали о себе знать жестокие разломы, порож-

дённые революцией и Гражданской войной, нигилизм, издевательское отношение к национальной истории, традициям, вере, которые пытались насаждать большевики, особенно в первые годы после прихода к власти. Но общий настрой советских граждан и наших соотечественников, оказавшихся за рубежом, был другим – сберечь, спасти Родину. Это был настоящий, неудержимый порыв. Люди искали опору в истинных патриотических ценностях.

Нацистские «стратеги» были убеждены, что огромное многонациональное государство легко можно подмять под себя. Рассчитывали, что внезапная война, её беспощадность и невыносимые тяготы неминуемо обострят межнациональные отношения, и страну можно будет расчленить на части. Гитлер прямо заявлял, что политика Германии в отношении народов, населяющих широкие просторы России, должна заключаться в том, чтобы поощрять любую форму разногласий и раскола (*Документы № 14–15*).

Но с первых же дней стало ясно, что этот план нацистов провалился. Брестскую крепость до последней капли крови защищали воины более чем тридцати национальностей. На протяжении всей войны – и в крупных решающих битвах, и в защите каждого плацдарма, каж-

дого метра родной земли – мы видим примеры такого единения.

Для миллионов эвакуированных родным домом стали Поволжье и Урал, Сибирь и Дальний Восток, республики Средней Азии и Закавказья. Их жители делились последним, поддерживали всем, чем могли. Дружба народов, их взаимопомощь стали для врага настоящей несокрушимой крепостью.

В разгром нацизма – что бы сейчас ни пытались доказать – основной, решающий вклад внесли Советский Союз, Красная Армия. Герои, которые до конца сражались в окружении под Белостоком и Могилёвом, Уманью и Киевом, Вязмой и Харьковом. Шли в атаку под Москвой и Сталинградом, Севастополем и Одессой, Курском и Смоленском. Освобождали Варшаву, Белград, Вену и Прагу. Брели штурмом Кёнигсберг и Берлин.

Мы отстаиваем подлинную, не приглаженную или отлакированную, правду о войне. Эту народную, человеческую правду – суровую, горькую и беспощадную – во многом передали нам писатели и поэты, прошедшие через огонь и ад фронтовых испытаний. Для моего, как и для других поколений, их честные, глубокие повести, романы, пронзительная «лейтенантская

проза» и стихи навсегда оставили след в душе, стали завещанием – чтить ветеранов, сделавших для Победы всё, что могли, помнить о тех, кто остался на полях сражений.

И сегодня потрясают простые и великие по своей сути строки стихотворения Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом...», посвящённого участникам кровопролитного, жестокого сражения Великой Отечественной войны на центральном участке советско-германского фронта. Только в ходе боёв за город Ржев и Ржевский выступ с октября 1941 года по март 1943 года Красная Армия потеряла, включая раненых и пропавших без вести, 1 миллион 342 тысячи 888 человек. Называю эти, собранные по архивным источникам страшные, трагические, ещё далеко не полные цифры – впервые, отдавая дань памяти подвигу известных и безымянных героев, о которых в послевоенные годы в силу разных причин говорили незаслуженно, несправедливо мало или вовсе молчали.

Приведу ещё один документ. Это проект доклада И.М. Майского для Международной комиссии по репарациям с Германии, подготовленный в феврале 1945 года. В задачи комиссии входило определение формулы, согласно которой побеждённая Германия

должна была возместить понесённый ущерб державам-победительницам. В докладе сделан следующий вывод: «Количество затраченных Германией на советском фронте солдато-дней превосходит это же количество на всех других союзных фронтах, по крайней мере, в 10 раз. Советский фронт оттягивал... также четыре пятых германских танков и около двух третей германских самолётов» (*Документ № 16*). В целом на долю СССР пришлось около 75 процентов всех военных усилий антигитлеровской коалиции. Красная Армия за годы войны «перемолола» 626 дивизий стран «оси», из которых 508 – германские.

28 апреля 1942 года Рузвельт в своём обращении к американской нации заявил: «Русские войска уничтожили и продолжают уничтожать больше живой силы, самолётов, танков и пушек нашего общего неприятеля, чем все остальные Объединённые нации вместе взятые» (*Документ № 17*). Черчилль в послании Сталину 27 сентября 1944 года писал, что «именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины...» (*Документ № 18*).

Такая оценка нашла отклик во всём мире. Потому что в этих словах – та самая великая правда, которую никто тогда не подвергал сомнению. Поч-

ти 27 миллионов советских граждан погибли на фронтах, в немецком плену, умерли от голода и бомбёжек, в гетто и печах нацистских лагерей смерти. СССР потерял каждого седьмого из своих граждан, Великобритания – одного из 127, а США – одного из 320 человек. К сожалению, это число тяжелейших, невосполнимых потерь Советского Союза неокончательное. Предстоит продолжить кропотливую работу по восстановлению имён и судеб всех погибших: бойцов Красной Армии, партизан, подпольщиков, военнопленных и узников концлагерей, мирных граждан, уничтоженных карателями. Это наш долг. И здесь особая роль принадлежит участникам поискового движения, военно-патриотическим и волонтёрским объединениям, таким проектам, как электронная база данных «Память народа», основанной на архивных документах. И, конечно, в решении такой общегуманитарной задачи необходимо тесное международное сотрудничество.

К победе ввели усилия всех стран и народов, которые боролись с общим врагом. Британская армия защитила свою родину от вторжения, воевала с нацистами и их сателлитами на Средиземном море, в Северной Африке. Американские и британские войска освобождали Ита-

лию, открывали Второй фронт. США нанесли мощные, сокрушительные удары агрессору на Тихом океане. Мы помним колоссальные жертвы китайского народа и его огромную роль в разгроме японских милитаристов. Не забудем бойцов «Сражающейся Франции», которые не признали позорную капитуляцию и продолжали борьбу с нацистами.

Мы также будем всегда благодарны за помощь, которую оказывали союзники, обеспечивая Красную Армию боеприпасами, сырьём, продовольствием, техникой. И она была существенной – около семи процентов от общих объёмов военного производства Советского Союза.

Ядро антигитлеровской коалиции начало складываться сразу после нападения на Советский Союз, когда США и Великобритания безоговорочно поддержали его в борьбе с гитлеровской Германией. Во время Тегеранской конференции 1943 года Сталин, Рузвельт и Черчилль сформировали альянс великих держав, договорились о выработке коалиционной дипломатии, совместной стратегии в борьбе против общей смертельной угрозы. У лидеров Большой тройки было чёткое понимание, что объединение промышленных, ресурсных и военных потенциалов СССР, США, Вели-

кобритании создаст неоспоримое превосходство над противником.

Советский Союз в полной мере выполнял свои обязательства перед союзниками, всегда протягивал руку помощи. Так, масштабной операцией «Багратион» в Белоруссии Красная Армия поддержала высадку англо-американского десанта в Нормандии. В январе 1945 года, прорвавшись к Одеру, наши бойцы поставили крест на последнем мощном наступлении вермахта на Западном фронте, в Арденнах. А через три месяца после победы над Германией СССР в полном соответствии с Ялтинскими договорённостями объявил войну Японии и нанёс поражение миллионной Квантунской армии.

Ещё в июле 1941 года советское руководство заявило, что «целью войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация угрозы, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма». К середине 1944 года враг был изгнан практически со всей советской территории. Но его нужно было добить до конца в своём логове. И Красная Армия начала освободительную миссию в Европе, спасла от уничтожения и порабощения, от ужаса Холоко-

ста целые народы. Спасла ценой сотен тысяч жизней советских солдат.

Важно также не забывать о той огромной материальной помощи, которую СССР оказывал освобождённым странам в ликвидации угрозы голода, в восстановлении экономики и инфраструктуры. Делал это в то время, когда на тысячи вёрст от Бреста до Москвы и Волги тянулись одни пепелища. Так, например, в мае 1945 года правительство Австрии обратилось с просьбой к СССР оказать помощь с продовольствием, так как «не знало, как прокормить своё население в последующие семь недель, до нового урожая». Согласие советского руководства направить продукты питания государственный канцлер Временного правительства Австрийской республики К. Реннер охарактеризовал, как «спасительный акт...», который «австрийцы никогда не забудут».

Союзники совместно создали Международный военный трибунал, призванный покарать нацистских политических и военных преступников. В его решениях дана чёткая правовая квалификация таким преступлениям против человечности, как геноцид, этнические и религиозные чистки, антисемитизм и ксенофобия. Прямо и недвусмысленно Нюрнбергский трибунал осу-

дил и пособников нацистов, коллаборационистов различных мастей.

Это позорное явление имело место во всех государствах Европы. Такие «деятели», как Петен, Квислинг, Власов, Бандера, их приспешники и последователи, хоть и рядились в одежды борцов за национальную независимость или свободу от коммунизма, являются предателями и палачами. В бесчеловечности они зачастую превосходили своих хозяев. Стараясь выслужиться, в составе специальных карательных групп охотно выполняли самые людоедские поручения. Дело их кровавых рук – расстрелы Бабьего Яра, Волынская резня, сожжённая Хатынь, акции уничтожения евреев в Литве и Латвии.

И сегодня наша позиция остаётся неизменной: преступным деяниям пособников нацистов не может быть оправдания, им нет срока давности. Поэтому вызывает недоумение, когда в ряде стран те, кто запятнал себя сотрудничеством с нацистами, вдруг приравниваются к ветеранам Второй мировой войны. Считаю недопустимым ставить знак равенства между освободителями и оккупантами. А героизацию пособников нацистов могу рассматривать только как предательство памяти наших отцов и дедов. Пре-

дательство тех идеалов, которые объединили народы в борьбе с нацизмом.

Тогда перед руководителями СССР, США и Великобритании стояла без преувеличения историческая задача. Сталин, Рузвельт, Черчилль представляли страны с различными идеологиями, государственными устремлениями, интересами, культурами, но проявили огромную политическую волю, поднялись над противоречиями и пристрастиями и поставили во главу угла истинные интересы мира. В результате они смогли прийти к согласию и достигнуть решения, от которого выиграло всё человечество.

Державы-победительницы оставили нам систему, которая стала квинтэссенцией интеллектуальных и политических исканий нескольких столетий. Серия конференций – Тегеранская, Ялтинская, Сан-Францисская, Потсдамская – заложили основу того, что мир вот уже 75 лет, несмотря на острейшие противоречия, живёт без глобальной войны.

Исторический ревизионизм, проявления которого мы наблюдаем сейчас на Западе, причём прежде всего в отношении темы Второй мировой войны и её итогов, опасен тем, что грубо, цинично искажает понимание принципов мирного развития, заложенных

в 1945 году Ялтинской и Сан-Францисской конференциями. Главное историческое достижение Ялты и других решений того времени заключается в согласии создать механизм, который позволил бы ведущим державам оставаться в рамках дипломатии при разрешении возникающих между ними разногласий.

XX век принёс тотальные и всеобъемлющие мировые конфликты, а в 1945 году на арену вышло ещё и ядерное оружие, способное физически уничтожить Землю. Иными словами, урегулирование споров силовыми методами стало заведомо опасным. И победители во Второй мировой войне это понимали. Понимали и осознавали собственную ответственность перед человечеством.

Печальный опыт Лиги наций учли в 1945-м. Структура Совета Безопасности ООН была разработана таким образом, чтобы сделать гарантии мира максимально конкретными и действенными. Так появился институт постоянных членов Совета Безопасности и право вето как их привилегия и ответственность.

Что такое право вето в Совете Безопасности ООН? Говоря прямо, это единственная разумная альтернатива прямому столкновению крупнейших стран. Это заявление одной из пяти держав, что то или иное реше-

ние для неё неприемлемо, противоречит её интересам и представлениям о правильном подходе. И остальные страны, даже если они не согласны с этим, принимают такую позицию как данность, отказываясь от попыток воплотить в жизнь свои односторонние устремления. То есть так или иначе, но нужно искать компромиссы.

Новое глобальное противостояние началось почти сразу после завершения Второй мировой войны и носило временами очень ожесточённый характер. И то, что холодная война не переросла в третью мировую, убедительно подтвердило эффективность договорённостей, заключённых Большой тройкой. Правила поведения, согласованные при создании ООН, позволили в дальнейшем сводить к минимуму риски и держать противостояние под контролем.

Конечно, мы видим, что система ООН работает сейчас с напряжением и не так эффективно, как могла бы. Но свою основную функцию ООН по-прежнему выполняет. Принципы деятельности Совета Безопасности ООН – это уникальный механизм предотвращения большой войны или глобального конфликта.

Звучащие довольно часто в последние годы призывы отменить право вето, отказать постоянным

членам Совбеза в особых возможностях на деле безответственны. Ведь если такое произойдёт, Организация Объединённых Наций по существу превратится в ту самую Лигу наций – собрание для пустых разговоров, лишённое каких-либо рычагов воздействия на мировые процессы; чем всё закончилось, хорошо известно. Именно поэтому державы-победительницы подошли к формированию новой системы миропорядка с предельной серьёзностью, чтобы не повторить ошибки предшественников.

Создание современной системы международных отношений – один из важнейших итогов Второй мировой войны. Даже наиболее непримиримые противоречия – геополитические, идеологические, экономические – не мешают находить формы мирного сосуществования и взаимодействия, если на то есть желание и воля. Сегодня мир переживает не самые спокойные времена. Меняется всё: от глобальной расстановки сил и влияния до социальных, экономических и технологических основ жизни обществ, государств, целых континентов. В минувшие эпохи сдвиги такого масштаба практически никогда не обходились без больших военных конфликтов, без силовой схватки за выстраивание новой глобальной иерархии. Благо-

даря мудрости и дальновидности политических деятелей союзных держав удалось создать систему, которая удерживает от крайних проявлений такого объективного, исторически присущего мировому развитию соперничества.

Наш долг – всех тех, кто берёт на себя политическую ответственность, прежде всего представителей держав-победительниц во Второй мировой войне, – гарантировать, чтобы эта система сохранилась и совершенствовалась. Сегодня, как и в 1945 году, важно проявить политическую волю и вместе обсудить будущее. Наши коллеги – господа Си Цзиньпин, Макрон, Трамп, Джонсон – поддержали выдвинутую российскую инициативу провести встречу лидеров пяти ядерных государств – постоянных членов Совета Безопасности. Мы благодарим их за это и рассчитываем, что такая очная встреча может состояться при первой возможности.

Какой мы видим повестку предстоящего саммита? Прежде всего, на наш взгляд, целесообразно обсудить шаги по развитию коллективных начал в мировых делах, откровенно поговорить о вопросах сохранения мира, укрепления глобальной и региональной безопасности, контроля над стратегическими вооружениями,

совместных усилий в противодействии терроризму, экстремизму, другим актуальным вызовам и угрозам.

Отдельная тема повестки встречи – ситуация в глобальной экономике, прежде всего преодоление экономического кризиса, вызванного пандемией коронавируса. Наши страны принимают беспрецедентные меры для защиты здоровья и жизни людей, поддержки граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию. Но насколько тяжёлыми будут последствия пандемии, как быстро глобальная экономика выберется из рецессии – зависит от нашей способности работать сообща и согласованно, как настоящие партнёры. Тем более недопустимо превращать экономику в инструмент давления и противостояния. В числе востребованных тем охрана окружающей среды и борьба с изменением климата, а также обеспечение безопасности глобального информационного пространства.

Предлагаемая Россией повестка предстоящего саммита «пяťёрки» исключительно важная и актуальная как для наших стран, так и для всего мира. И по всем пунктам у нас есть конкретные идеи и инициативы.

Не может быть сомнений, что саммит России, Китая, Франции, США и Великобритании сыграет важную роль в поиске общих ответов на современные вызовы

и угрозы и продемонстрирует общую приверженность духу союзничества, тем высоким гуманистическим идеалам и ценностям, за которые плечом к плечу сражались отцы и деды.

Опираясь на общую историческую память, мы можем и должны доверять друг другу. Это послужит прочной основой для успешных переговоров и согласованных действий ради укрепления стабильности и безопасности на планете, ради процветания и благополучия всех государств. Без преувеличения, в этом заключается наш общий долг и ответственность перед всем миром, перед нынешним и будущими поколениями.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документ № 1

*Из донесения посла Польши в Германии Ю. Липского
министру иностранных дел Польши Ю. Беку*

20 сентября 1938 г.

Канцлер совершенно конфиденциально, подчёркивая, что я могу сделать из этого надлежащие выводы, довёл до моего сведения, что уже сегодня, в случае, если между Польшей и Чехословакией дело дойдет до конфликта на почве наших интересов в Тешине, рейх станет на нашу сторону (думаю, что подобное заявление канцлер должен был также дать венгерскому премьеру, хотя мне об этом не было сказано). Канцлер советует, чтобы при таких обстоятельствах начало наших действий последовало бы только лишь после занятия немцами Судетских гор, так как тогда вся операция была бы более короткой.

В дальнейшем во время беседы канцлер настойчиво подчеркивал, что Польша является первостепенным фактором, защищающим Европу от России.

Из других пространных высказываний следовало:

а) что он не собирается выходить за территорию Судетов. Конечно, в случае военных действий он пошел бы дальше, так как, по моему мнению, должен был бы поддаться влиянию военных элементов, которые по

стратегическим соображениям толкают его на то, чтобы поставить всю Чехию в зависимость от Германии;

б) что за линией известных германских интересов мы имеем совершенно свободные руки;

с) что он видит большие трудности в достижении венгеро-румынского соглашения (я думаю, что, может быть, канцлер находился здесь под влиянием высказываний Хорти, о которых я сообщил Вам устно);

д) что стоимость судетской операции, включая фортификацию и вооружение, достигает цифры в 18 миллиардов марок;

е) что после решения судетского вопроса он поставит вопрос о колониях;

ф) что его осенила мысль о решении еврейской проблемы путем эмиграции в колонии в согласии с Польшей, Венгрией, а может быть и Румынией (тут я ответил, что если это найдет свое разрешение, мы поставим ему прекрасный памятник в Варшаве).

Оубл.: *Polskie dokumenty dyplomatyczne*. 1938. Warszawa, 2007. Dok. № 248; IPMS, MSZ A.11.49/N/7; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939:

В 2-х тт. Т. 1: Ноябрь 1937 г. – декабрь 1938 г. – М.: Политиздат, 1981. – С. 177–178.

Документ № 2

Из записи беседы

*посла Германии в Польшу Г. Мольтке
с министром иностранных дел Польши Ю. Беком*

1 октября 1938 г.

Г-н Бек продолжал, что он хочет в этой связи направить германскому правительству запрос, может ли Польша рассчитывать на доброжелательную позицию Германии в случае вооруженного конфликта с Чехословакией. Он подчеркнул, что он не ожидает «действия» с нашей стороны. Г-н Бек заметил далее, что, по-видимому, не очень вероятно, чтобы Советский Союз что-либо предпринял против Польши в случае польско-чешского конфликта. Тем не менее, он был бы благодарен за сообщение, займет ли Германия в данном случае как добрый сосед дружескую позицию. Он полагает, что в общем знает германскую точку зрения, однако ему представляется важным знать нашу позицию в данном конкретном случае.

Г-н Бек выразил, между прочим, большую благодарность за лояльную трактовку польских интересов на Мюнхенской конференции, а также за искренность отношений во время чешского конфликта. Правитель-

ство и общественность полностью отдают должное позиции фюрера и рейхсканцлера; я обещал г. Беку немедленно передать содержание информации.

Оубл.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D 1937–1945. Bd. V. S. 66, 67. Göttingen, 1953; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. 1933–1938 гг. – М.: Наука, 1969. – С. 365.

Документ № 3

Из письма

министра иностранных дел Польши Ю. Бека

послу Польши в Германии Ю. Липскому

19 сентября 1938 г.

Прошу в беседе с рейхсканцлером придерживаться следующих директив:

1. Правительство Польской Республики констатирует, что оно, благодаря занимаемой им позиции, парализовало возможность интервенции Советов в чешском вопросе в самом широком значении. Наш нажим в Бухаресте оказал желательное действие. Маневры, проводимые нами на Волыни, были поняты Москвой как предостережение.

2. Польша считает вмешательство Советов в европейские дела недопустимым.

3. Чехословацкую Республику мы считаем образованием искусственным, удовлетворяющим некоторым доктринам и комбинациям, но не отвечающим действительным потребностям и здоровым правам народов Центральной Европы.

4. В течение прошлого года польское правительство четыре раза отвергало предложение присоеди-

ниться к международному вмешательству в защиту Чехословакии.

Опубл.: AAN, d. ASMZ, Ambassada RP, Berlin, Dokumenty wybrane, № 415, w. 159, t. 2, str. 224–225; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. В 2-х тт. Т. 1: Ноябрь 1937 г. – декабрь 1938 г. – М.: Политиздат, 1981. – С. 173.

Документ № 4

Из инструкций для британской делегации на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции

2 августа 1939 г.

8. До заключения политического соглашения делегация должна, в силу изложенных выше мотивов, вести переговоры весьма медленно, следя за развитием политических переговоров и поддерживая очень тесную связь с послом Его Величества.

[...]

14. Раскрытие русским в начале переговоров технических деталей, касающихся нашего вооружения, представляется невозможным, а обмен мнениями относительно тактической подготовки – если его нельзя будет избежать совсем – должен быть ограничен общими местами на начальной стадии переговоров. Раскрытие русским технических деталей вооружения может оказаться необходимым на дальнейшей стадии, однако и тогда каждый вопрос должен тщательно взвешиваться, и, прежде чем раскрывать что-либо, должны быть запрошены инструкции.

15. Британское правительство не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство,

которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться столь возможно более общими формулировками. Что-нибудь вроде декларации политического характера, которая была бы одобрена, отвечала бы этим условиям. Это представляется трудным, так как русские не преминут настаивать перед нашей делегацией на получении более подробной информации, и нужно будет запрашивать инструкции в тех случаях, когда возникнет сомнение относительно позиции, которую делегация должна занять.

Оубл.: Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Third Series, vol. VI, p. 762–763; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. В 2-х тт. Т. 2: Январь – август 1939 г. – М.: Политиздат, 1981. – С. 168–169.

Документ № 5

*Полномочия народного комиссара обороны СССР
и главы советской военной миссии
К.Е. Ворошилова на англо-франко-советских
военных переговорах в Москве*

5 августа 1939 г.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов – глава военной делегации СССР, в состав которой входят начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга Б.М. Шапошников, народный комиссар Военно-морского флота флагман флота 2-го ранга Н.Г. Кузнецов, начальник Военно-воздушных сил РККА командарм 2-го ранга А.Д. Локтионов, заместитель начальника Генерального штаба РККА комкор И.В. Смородинов, уполномочивается вести переговоры с английской и французской военными миссиями и подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе.

Председатель СНК Союза СССР

В. Молотов

Управляющий делами СНК Союза ССР

М. Хломов

Документ № 6

Из донесения

*французского военного атташе в Польше
Ф. Мюсса министру национальной обороны
и военному министру Франции Э. Даладьё*

24 августа 1939 г.

Инструкции, полученные послом Франции из Кэ д'Орсе в ночь с 22-го на 23-е, предписывали ему попытаться предпринять новый демарш в отношении польского правительства с целью убедить его отказаться, если возможно, от своего решения не давать согласие, даже молчаливое, на сотрудничество с Советами. Положение, в самом деле, коренным образом изменилось; стало необходимо и, кажется, возможно противодействовать германскому маневру и, может быть, даже частично сорвать его, что позволило бы резко изменить впечатление, произведенное на общественное мнение в различных заинтересованных государствах. Но для этого было необходимо, чтобы Польша рассталась со своей непреклонной позицией, перечеркивающей всякую возможность переговоров с Советами, и которую она отныне не может сохранять, не взяв на себя тяжелый груз ответственности.

Г-н Леон Ноэль 23 августа предпринял спешный демарш в отношении г-на Бека; министр, казалось, дрогнул, но

попросил дать отсрочку с ответом, и новая встреча была назначена на 12 ч. 15 мин.

На этой второй встрече г-н Бек уступил, не преминув вновь продемонстрировать глубокую неприязнь, которую испытывают поляки в отношении возможного ввода советских войск. Он согласился на следующую формулировку, определяющую речь генерала Думенка, теперь уполномоченного держать ее перед своими советскими собеседниками: «Мы достигли уверенности, что в случае совместных действий против германской агрессии сотрудничество между Польшей и СССР, при технических условиях, которые надлежит определить, не исключено (или возможно).

Французские и британские штабы считают, что с того момента имеется основание для немедленной разработки всех условий сотрудничества».

По-видимому, такая формулировка открывает нашим делегациям достаточные возможности для переговоров. Для поляков она представляет значительную жертву, на которую они никогда бы не пошли, если бы перспектива германо-советского пакта не создавала непосредственной угрозы, требующей срочного отражения удара и оправдывающей отступление от правил, приемлемых для мирного времени.

Российский государственный военный архив. Ф. 198к. Оп. 2. Д. 292. Л. 164–166. Подлинник на франц. яз. Перевод на рус. яз.

Документ № 7

Телеграмма

*министра иностранных дел Польши Ю. Бека
дипломатическим представительствам Польши*

23 августа 1939 г.

Учитывая сложившуюся в результате приезда Риббентропа в Москву новую ситуацию, французский и английский послы в повторном демарше выразили пожелание своих правительств, заключающееся в том, чтобы, начав вновь военные переговоры для ограничения возможностей и сферы действия германо-советского договора, можно было в тактическом плане изменить ситуацию. В связи с этим к нам вновь обращаются с просьбой о «тихом согласии» на выражение военными делегациями в Москве уверенности в том, что в случае войны польско-советское военное сотрудничество не исключается.

Я заявил, что польское правительство не верит в результативность этих шагов, однако, чтобы облегчить положение франко-английской делегации, мы выработали определенную формулировку, причем я повторил не для разглашения наши оговорки, касающиеся прохода войск.

Формулировка звучала бы так: «Французский и английский штабы уверены, что в случае совместных действий против агрессора сотрудничество между СССР и Польшей в определенных условиях не исключается. Ввиду этого штабы считают необходимым составление с советским штабом любых планов».

Используя возможность, я еще раз сделал категорическое заявление, что я не против этой формулировки только в целях облегчения тактики, наша же принципиальная точка зрения в отношении СССР является окончательной и остается без изменений. Я еще раз напомнил о неприличности обсуждения Советами наших отношений с Францией и Англией, не обращаясь к нам.

Опубл.: Międzynarodowe tło agresji Rzeszy Niemieckiej na Polskę w 1939 roku: wybór dokumentów. Warszawa, 1986. S. 156; Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы: В 2-х тт. Т. 2: 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. – М.: Политиздат, 1990. – С. 317.

Документ № 8

*Из директив к берлинской поездке,
записанных народным комиссаром
иностраннных дел СССР В.М. Молотовым*

[9 ноября 1940 г.]

1. Цель поездки:

а) Разузнать действительные намерения Г[ермании] и всех участников пакта 3-х (Г[ермании], И[талии], Я[понии]) в осуществлении плана создания «Новой Европы», а также «Велик[ого] Вост[очно]-Азиатского Пространства»; границы «Нов[ой] Евр[опы]» и «Вост[очно]-Аз[иатского] Пр[остранства]»; характер госуд[арственной] структуры и отношения отд[ельных] европ[ейских] государств в «Н[овой] Е[вропе]» и в «В[осточной] А[зии]»; этапы и сроки осуществления этих планов и, по кр[айней] мере, ближайшие из них; перспективы присоединения других стран к пакту 3-х; место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем.

б) Подготовить первоначальную наметку сферы интересов СССР в Европе, а также в ближней и средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Г[ерманией] (а также с И[талией]), но не заключать

какого-либо соглашения с Г[ерманией] и И[талией] на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риб [бентроп] в ближайшее время.

Архив Президента Российской Федерации. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1161. Л. 147–155. Подлинник. Автограф В.М. Молотова.

Опубл.: Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII: В 2-х кн. – Кн. 2 (1): 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. – М.: Международные отношения, 1998. – С. 30–31.

Документ № 9

Шифртелеграмма

народного комиссара иностранных дел СССР

*В.М. Молотова полномочному представителю СССР
в Великобритании И.М. Майскому*

17 ноября 1940 г.

Для Вашей ориентировки даю краткую информацию о берлинских беседах.

1. Моя поездка в Берлин имела характер ответного визита на две прошлогодние поездки Риббентропа в Москву и произошла по приглашению германского правительства.

2. Вопреки некоторым неправильным сообщениям иностранной печати, берлинские беседы касались главным образом вопросов советско-германских отношений, выполнения заключенных в прошлом году соглашений и выяснения возможностей дальнейшего развития советско-германских отношений. Вопросы о разграничении сфер интересов между СССР, Германией и другими странами, а также вопросы о присоединении СССР к пакту трех держав в Берлине не решались в этих беседах.

3. Никакого договора в Берлине не было подписано и не предполагалось этого делать. Дело в Берлине огра-

ничилось, как это и вытекает из известного коммюнике от 10 ноября, обменом мнениями.

4. В дальнейшем возможно рассмотрение в обычном дипломатическом порядке ряда вопросов, по которым был обмен мнениями в Берлине.

5. Как выяснилось из бесед, немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра конвенции в Монтрё в нашу пользу, причём предлагают нам помочь им в этом деле. Мы не дали на это согласия, так как считаем, что, во-первых, Турция должна остаться независимой, а, во-вторых, режим в Проливах может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, но не за спиной Турции.

6. Немцы и японцы, как видно, очень хотели бы толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса, так как считаем такие советы со стороны Германии неуместными.

Молотов

Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 2239. Л. 112–114. Подлинник.

Оубл.: Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. – Т. XXIII: В 2 кн. – Кн. 2 (1): 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. – М.: Международные отношения, 1998. – С. 92.

Документ № 10

Из мемуаров У. Черчилля

В выступлении по радио 1 октября я заявил:

«Польша снова подверглась вторжению тех самых двух великих держав, которые держали ее в рабстве на протяжении 150 лет, но не могли подавить дух польского народа. Героическая оборона Варшавы показывает, что душа Польши бессмертна и что Польша снова появится, как утес, который временно оказался захлестнутым сильной волной, но все же остается утесом.

Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и сотрудники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть...

Я не могу вам предсказать, каковы будут действия России. Это такая загадка, которую чрезвычайно трудно разгадать, однако ключ к ней имеется. Этим ключом являются национальные интересы России. Учиты-

вая соображения безопасности, Россия не может быть заинтересована в том, чтобы Германия обосновалась на берегах Черного моря или чтобы она оккупировала Балканские страны и покорила славянские народы Юго-Восточной Европы. Это противоречило бы исторически сложившимся жизненным интересам России».

Премьер-министр [Н. Чемберлен] был полностью согласен со мной. «Я придерживаюсь того же мнения, что и Уинстон, – писал он в письме своей сестре, – замечательное выступление которого по радио мы только что слышали. Я думаю, что Россия всегда будет действовать сообразно ее собственным интересам, и не могу поверить, чтобы она сочла победу Германии и последующее установление германского господства в Европе отвечающими ее интересам».

Оубл.: Churchill W.S. The Second World War. - London-Toronto, Cassell and Co Ltd., 1950. - Vol.1. The Gathering Storm. P. 449; Черчилль У. Вторая мировая война: В 6 тт. Т. 1: Надвигающаяся буря. – М., 1997. – С. 217–218.

Документ № 11

Из шифртелегаммы

полномочного представителя СССР

в Великобритании И.М. Майского

в Народный комиссариат иностранных дел СССР

17 октября 1939 г.

Я завтракал сегодня с товарищем министра иностранных дел Батлером. Из разговора с ним отмечу следующее:

1) Война или мир. Общая установка британского правительства, по словам Батлера, сводится к тому, что оно готово было бы заключить мир хоть завтра, если бы было уверено, что достигнутое соглашение имеет стабильный характер («обеспечило бы мир и спокойствие на 20–25 лет»), как выразился Батлер). Такая уверенность, по мнению британского правительства, могла быть создана лишь при гарантии мирного договора всеми великими державами, в частности США и СССР. Ради достижения прочного мира подобного рода британское правительство готово было бы пойти на значительные уступки Германии даже в колониальной области. Поскольку такого мира сейчас ожидать нельзя, Англия будет продолжать войну, рассчиты-

вая на превосходство своих ресурсов над германскими. [...]

2) Польша. Батлер рассказывал, что приезжавший недавно в Лондон Залесский [министр иностранных дел в правительстве Польши в изгнании] не претендовал на возвращение «будущей Польше» Западных Украины и Белоруссии, но зато требовал Восточной Пруссии, указывая, что без этого стратегическое положение Польши было бы невозможным. Залесский добивался определенного обещания британского правительства насчет границ «будущей Польши», но последнее сочло неудобным связывать себя таким обещанием. По словам Батлера, в английских правительственных кругах считают, что не может быть никакого вопроса о возврате Польше Западных Украины и Белоруссии. Если бы удалось создать этнографическую Польшу скромных размеров (вроде «герцогства Варшавского» времен Наполеона) с гарантией не только СССР и Германии, но также Англии и Франции, то британское правительство считало бы себя вполне удовлетворенным.

Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2078. Л. 176–177. Подлинник.

Документ № 12

Из шифртелеграммы

полномочного представителя СССР

в Великобритании И.М. Майского

в Народный комиссариат иностранных дел СССР

27 октября 1939 г.

1. Я завтракал с главным советником Чемберлена (и фактически руководителем его внешней политики) известным Хорасом Вильсоном. Разговор вращался преимущественно около вопроса о войне и мире. Вильсон высказывался в том смысле, что сейчас, пока война на Западе еще не развернулась в полном объеме и массовые страсти еще не достигли точки кипения, теоретически мыслимо обсуждение вопроса о мире. Шесть или двенадцать месяцев спустя это сделать будет гораздо труднее. Однако даже и в настоящий момент, по мнению Вильсона, практически подойти к данной проблеме почти невозможно.

[...]

2. В высшей степени характерно суждение Вильсона о желательных, с его точки зрения, очертаниях будущего мирного договора, который должен быть заключен

после более или менее длительной войны. Нынешняя централизованная Германия должна была бы превратиться в «вольную федерацию», в которой Австрия, Бавария, Вюртемберг и так далее должны были бы пользоваться широкой автономией. Чехословакия могла бы стать также членом этой федерации, примерно на правах британского доминиона. Польша должна была бы быть восстановлена как самостоятельное государство на свою этнографическую базу, но без Западной Украины и Белоруссии. Федеральной Германии можно было бы предоставить кондоминиум с Англией и Францией в управлении ее бывшими колониями. Весь мирный договор должен был бы быть гарантирован по возможности всеми великими державами, в особенности же великими европейскими державами. Затем должно было бы последовать всеобщее серьезное сокращение вооружений.

3. Вильсон «жаловался», что Франция занимает гораздо более крутую позицию в отношении к Германии, чем Англия. Так, британское правительство все время старается проводить грань между гитлеровским режимом и германским народом. Французы, наоборот, не хотят делать такое различие и в качестве цели войны выставляют не только полный внушительный раз-

гром, но также раздробление Германии на ряд мелких государств, обезоруженных и беспомощных; французские настроения, по словам Вильсона, не могут не оказать известное влияние на линию английской политики. Это[му] легко поверить.

Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2078. Л. 209–211. Подлинник.

Опубл.: Документы внешней политики. 1939. – Т. XXII: В 2 кн. Кн. 2: Сентябрь-декабрь. – М.: Международные отношения, 1992. С. 234–235.

Документ № 13

Из шифртелеграммы

полномочного представителя СССР

в Великобритании И.М. Майского

в Народный комиссариат иностранных дел СССР

7 октября 1939 г.

1. Вчера в 10 часов вечера Черчилль пригласил меня к себе в Адмиралтейство и повел разговор о состоянии англо-советских отношений. [...] Основные мысли и заявления Черчилля могут быть суммированы следующим образом.

2. Отношения между Англией и СССР всегда были отравлены взаимными подозрениями, а сейчас больше, чем обычно. Англия подозревает СССР в заключении военного союза с Германией со всеми вытекающими отсюда последствиями. Лично Черчилль в это не верит, однако такое настроение сильно распространено в политических и даже правительственных кругах Великобритании и, несомненно, оказывает свое влияние на тон ее отношений к СССР. С другой стороны, у Черчилля создалось впечатление, что СССР подозревает Англию в каких-то враждебных ему махинациях в Прибалтике, на Балканах и так далее, и это тоже

накладывает свою печать на отношения СССР к Англии. Черчилль, прекрасно зная историю англо-франко-советских переговоров о пакте, находит, что британское правительство вело переговоры очень плохо (свое мнение на этот счет он и раньше не скрывал), и понимает, что ход и исход переговоров должен был усугубить нашу подозрительность, однако прошлое есть прошлое. Черчилль больше интересуется настоящим и будущим. Чтобы по возможности рассеять наши подозрения и способствовать улучшению англо-советских отношений в дальнейшем, он считает полезным разъяснить точку зрения британского правительства на текущие события.

3. Черчилль исходит из того положения, которое он защищал и раньше, что основные интересы Англии и СССР в наши дни нигде не сталкиваются. Первоначальный шок, вызванный советско-германским пактом о ненападении, и последующие события многих в Англии вывели из равновесия и лишили способности видеть вещи в их подлинной перспективе. Сейчас многое изменилось. С точки зрения правильно понятых интересов Англии, тот факт, что весь восток и юго-восток Европы находятся вне зоны войны, имеет не отрицательное, а положительное значение. Равным образом Англия не имеет оснований возражать против действий

СССР в Прибалтике. Конечно, кое-кто из сентиментальных либералов и лейбористов может пускать слезы по поводу «русского протектората» над Эстонией или Латвией, но к этому нельзя относиться серьезно. Черчилль прекрасно понимает, что СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что балтийские страны включаются в нашу, а не в германскую государственную систему. Это исторически нормально и вместе с тем сокращает возможный «лебенсraum» [жизненное пространство] для Гитлера. Здесь опять-таки интересы Англии и СССР не сталкиваются, а скорее совпадают.

[...]

5. Исходя из всех вышеуказанных соображений, Черчилль считает, что между Великобританией и СССР в настоящее время, как и во все последние годы, нет никаких серьезных противоречий, а стало быть, нет оснований для напряженных или неудовлетворительных отношений. «Сталин, – заметил Черчилль, – играет сейчас большую игру и играет ее счастливо. Он может быть доволен. Однако я не вижу, почему мы должны быть недовольны?» Британское правительство принимает наше заявление о нейтралитете как положительный факт и очень желало бы, чтобы это был дру-

жественный нейтралитет. Оно хотело бы развивать с нами торговые отношения. Оно готово было бы также обсудить всякие другие меры, могущие способствовать улучшению взаимоотношений. В этой связи Черчилль стал меня спрашивать, какие меры я мог бы подсказать или посоветовать, но я, по понятным соображениям, уклонился от каких-либо ответов на его расспросы. Я поинтересовался только, является ли все то, что он мне говорил во время нашей беседы, его индивидуальным мнением или же это также мнение всего кабинета. Черчилль заявил, что хотя, конечно, кабинет не может отвечать за каждый нюанс его высказываний, тем не менее, в основном он отражает мнение всего правительства.

Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2078. Л. 144–149. Подлинник.

Опубл.: Документы внешней политики. 1939. – Т. XXII: В 2 кн. – Кн. 2: Сентябрь-декабрь. – М.: Международные отношения, 1992. С. 167-169.

Документ № 14

Из протокола совещания

*А. Гитлера с руководителями рейха
о целях войны против СССР*

16 июля 1941 г.

По распоряжению фюрера сегодня в 15 час. у него имело место совещание с рейхслейтером Розенбергом, рейхсминистром Ламмерсом, фельдмаршалом Кейтелем, рейхсмаршалом [Герингом] и со мною [Борманом].

Совещание началось в 15 час. и длилось приблизительно до 20 час.

Во вступительном слове фюрер подчеркнул, что он хочет установить несколько основных положений.

...Речь идет о следующем:

...Крым должен быть освобожден от всех чужаков и заселен немцами. Точно так же австрийская Галиция должна стать областью Германской империи.

...Русские в настоящее время отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу. Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас.

Самое основное:

Создание военной державы западнее Урала никогда не должно снова стать на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет. Все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужого войска. Защиту этого пространства от всяких возможных опасностей берет на себя Германия. Железным законом должно быть: «Никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев!».

Это особенно важно. Даже если в ближайшее время нам казалось бы более легким привлечь какие-либо чужие, подчиненные народы к вооруженной помощи, это было бы неправильным. Это в один прекрасный день непременно и неизбежно обернулось бы против нас самих. Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казак и не украинец.

...Рейхсмаршал считает правильным присоединить к Восточной Пруссии различные части Прибалтики, например белостокские леса.

Фюрер подчеркивает, что вся Прибалтика должна стать областью империи.

Точно так же должен стать областью империи Крым с прилегающими районами (область севернее Кры-

ма). Эти прилегающие районы должны быть как можно больше.

...Фюрер далее подчеркивает, что и волжские колонии должны стать областью империи, точно так же, как Бакинская область. Она должна стать немецкой концессией (военной колонией).

Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду большой добычи никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии. Со всей осторожностью должно быть подготовлено присоединение Финляндии в качестве союзного государства. На Ленинградскую область претендуют финны. Фюрер хочет сравнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 162. Л. 433–443. На немецком яз.

Оубл.: Trial the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg 14 November 1945 – 1 October 1946. XXXVIII. Nuremberg, 1949. S. 86-94; Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/41). Berlin, 1970. S. 331–335; Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). – М.: Экономика, 1985. – С. 47–51.

Документ № 15

Из замечаний и предложений «Восточного министерства» по генеральному плану «Ост»

27 апреля 1942 г.

К вопросу о будущем обращении с русским населением:

Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их.

...нужно идти различными путями, чтобы решить русскую проблему. Эти пути вкратце заключаются в следующем.

а) Прежде всего надо предусмотреть разделение территории, населенной русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие...

Оубл.: «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1958, № 3; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х тт. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи». 1941–1945 гг. – М.: Издательство «Наука», 1973. – С. 36–37.

Документ № 16

*Из проекта доклада И.М. Майского
«Формула по репарациям с Германии»*

4 февраля 1945 г.

Тов. Молотову В.М.

...Высылаю Вам несколько исправленный и переработанный в соответствии с указаниями тов. Сталина 25 января (во время разговора после приема английской делегации в Москве) проект формулы по репарациям с Германии. Второй экземпляр прошу передать т. Сталину.

ВКЛАД В ДЕЛО ПОБЕДЫ НАД ВРАГОМ

Если по имеющимся данным исчислить, какое количество вооруженных сил и в течение какого срока Германия должна была затратить на борьбу с СССР, с одной стороны, и с Англией, Францией и США, с другой стороны, на протяжении всей войны /с 4.9.1939 по 1.1.1945/, то получится след. картина:

1) Сухопутные войска.

На советско-германском фронте Германия
Затратила с 22.6.1941 по 1.1.45 солдато-дней 5.243 млн.
Вне советского фронта в борьбе с Англией,
Францией и США Германия потратила
с 4.9.39 по 1.1.45 солдато-дней 894

итога: 6.137 млн.

Иными словами на долю Англии, Франции и США приходится лишь 14,5% солдато-дней, затраченных Германией в борьбе против своих главных врагов. На долю СССР наоборот приходится 85,5%, т.е. почти в 6 раз больше. Таковы абсолютные цифры.

Если эти цифры сопоставлять с количеством населения названных стран, то получим следующие относительные цифры:

	Население /милл./	Солдато- дни /милл./	В среднем на 1 милл. населения приходится солдато- дней /милл./
СССР	193	5,243	27,1
Англия, США, Франция			
а/ только метрополии	218	894	4,1
б/ метрополии плюс белое население империй	242	894	3,5
в/ метрополии с империями	750	894	1,2

Если число солдатo-дней, приходящихся на 1 милл. Жителей СССР, принять за 100, то соответственные цифры для Англии, Франции и США составят:

СССР.....100

Англия, Франция, США:

а/ только метрополии.....15

б/ метрополии с белым населением империй.....13

в/ метрополии с империями.....4

Отсюда ясно, что даже в самом благоприятном для наших союзников случае /т.е. если брать лишь одно население метрополий/ относительная затрата Германией солдатo-дней на советско-германском фронте почти в 7 раз превосходит эту затрату на других союзных фронтах. Если же взять наименее благоприятный для наших союзников случай /т.е. принимать во внимание все население их империй в целом/, то окажется, что число солдатo-дней, затраченных Германией на советском фронте превосходит это число на других союзных фронтах в 25 раз. Не будет преувеличением, поэтому, утверждать, что затрата германских сил на советском фронте превышает такую же затрату на других союзных фронтах минимум в 10 раз.

2) Танки.

Средняя месячная численность германских танков и самоходных установок на советско-германском фронте и на фронтах союзников /Англия, Франция, США/ составляла:

	Советско-германский фронт		Союзные фронты	
	абсолютное число	в %%	абсолютное число	в %%
1941	5900	84	1100	16
1942	4810	81	1090	19
1943	4520	80	1080	20
1944	3770	72	1500	28
1.1.45	5720	84	1100	16

Из приведенных цифр ясно, что в среднем за 4 года около четырех пятых всех танковых сил Германии находилось на германо-советском фронте и только около одной пятой на фронтах союзников.

3) Самолеты.

Среднее месячное число германских самолетов на советско-германском и союзных фронтах было:

	Советско-германский фронт		Союзные фронты	
	абсолютное число	в %%	абсолютное число	в %%
1941	2600	70	1100	30
1942	2500	71	1000	29
1943	2500	64	1400	36
1944	2000	56	1600	44
1.1.45	1700	52	1600	48

Из приведенных цифр ясно, что в среднем за 4 года около двух третей германских воздушных сил находилось на советско-германском фронте и лишь около одной трети на союзных фронтах.

4) Итог.

Итак, количество затраченных Германией на советском фронте солдатo-дней превосходит это количество на всех других союзных фронтах, по крайней мере в 10 раз. Советский фронт оттягивал в течение минувших 3,5 лет также четыре пятых германских танков и около двух третей германских самолетов.

Если даже сделать поправку на деятельность союзного флота, а также на боевые операции других наций /Бельгия, Голландия, Норвегия, Польша, Греция/, – все-таки можно с полным правом утверждать, что вклад СССР в дело разгрома врага составил никак не меньше 75% всей суммы союзных усилий, направленных к этой цели.

Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 7а. П. 59. Д. 38. Л. 66, 78–80.

Документ № 17

Из обращения Ф. Рузвельта к гражданам США

28 апреля 1942 г.

На европейском фронте самым важным событием прошедшего года, без сомнения, стало сокрушительное контрнаступление великой русской армии против мощной германской группировки. Русские войска уничтожили – и продолжают уничтожать – больше живой силы, самолетов, танков и пушек нашего общего неприятеля, чем все остальные Объединенные нации вместе взятые.

Опубл.: Fireside Chat 21: On Sacrifice (April 28, 1942) Franklin D. Roosevelt; Рузвельт Ф. Беседы у камина. О кризисе, олигархах и войне. – М.: Алгоритм, 2012. – С. 222.

Документ № 18

*Из личного, секретного
и строго конфиденциального послания
У. Черчилля И.В. Сталину*

27 сентября 1944 г.

1. Я был весьма рад, узнав от посла Сэра А. Кларка Керра о той похвале, с которой Вы отозвались о британских и американских операциях во Франции. Мы весьма ценим такие высказывания, исходящие от вождя героических русских армий. Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате общин то, что я сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника.

2. Я только что вернулся после долгих бесед с Президентом, и я могу заверить Вас в нашей твердой уверенности, что на соглашении наших трех наций – Британии, Соединенных Штатов и Союза Советских Социалистических Республик – покоятся надежды всего мира...

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 269. Л. 5. Подлинник. Перевод с англ. яз.

Оубл.: Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование: В 2-х тт. Т. 2 – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. – С. 265.

Заказ №

Тираж 50 000 экз.

Отпечатано в федеральном государственном
унитарном предприятии Издательство «Известия»
Управления делами Президента Российской Федерации